

ет под утро прийти в его спальню, дабы усладить его так, как должно услаждать дорогого друга, который ей даже еще желаннее, чем она ему.

– Но, мессир, я вас умоляю, – говорила дама притворно дрожащим голосом, – храните наше опасное дело в секрете, а для того отошлите всех своих людей в аббатство, чтобы вам быть в спальне одному, и тогда мы насладимся нашей любовью без помех и без страха быть пойманными.

После того как монах согласился на эту просьбу, дворянин понял, что пора и ему заговорить, и с вежливым поклоном стал упрашивать аббата принять участие в охоте на куропаток, и если аббат окажет ему такую честь, то он, пока будут охотиться, велит приготовить ужин у себя в доме. Аббат не заставил себя просить и, подобрав сутану, не долго думая, взобрался на своего мула вне себя от радости, норовя еще по дороге прижаться к даме своего сердца. Охотились долго, а затем повернули к дому дворянина, куда аббат не захотел и войти, пока не отослал всех своих людей вплоть до лакея. Муж притворился рассерженным и стал их удерживать, но, как он ни старался, а мессир аббат упорно стоял на своем, желая сдержать данное обещание и твердя, что воспользуется услугами одних лишь людей дворянина, чем докажет ему свое расположение; но наш любезный любитель дам, – что бы он там ни располагал, – вынужден был столько съесть и выпить за ужином, за уговорами хозяев, что внезапно попросился в постель, куда торжественно был препровожден с факелами, – а комнату ему приготовили чистую, убранную коврами и надушенным бельем, и дама самолично проводила его, как велел муж, дабы еще больше разжечь его. И, как женщина исполнительная, она это проделала весьма усердно, и с такими ужимками и заигрываниями, что бедному монаху вино и любовь разом ударили в голову, и он так и рухнул, не глядя куда, – счастье еще, что за спиной у него как раз оказалась готовая постель. Как только бедняга, хватив лишку, на нее свалился, дама, распорядившись запереть все окна, приветливо с ним распрощалась, пожав ему руку и сказав:

– Мессир, вы доверились нам, отослав своих слуг, что не пристало при вашем сане, и за это я вам сегодня послужу горничной и сама запру двери, дабы никто не потревожил ваш сон.

Аббат, слыша такие речи, прямо-таки раздулся от радости, вообразив, что она берет ключ от двери для того, чтобы как можно незаметней пробраться в его комнату, так что в ожидании услаждения бедной своей плоти чуть не сторал от безмерной похоти и, вертясь волчком на постели, обнимался с одеялом и тискал подушку, заранее смакуя предстоящие радости и утех.

Тем временем дворянин (который хотел отомстить так, чтобы уж над монахом смеялись до самой смерти), позвал и подкупил тяжелым кошельком одну старуху лет восьмидесяти, блиставшую всеми прелестями этого возраста, и, хорошенько подпоив ее, чтобы разогреть внутри, раздел ее в ночные наряды своей жены – чепец, сорочку и тафтяную накидку, а сверх того надушил и размалевал, как старую куртизанку в Риме. И ближе к утру (в час, назначенный дамой) он затрубил в рог, созвал своих людей, собак и отправился на охоту, поручив жене, довершить дело. Преподобный отец, заслышав шум, насторожился и принял подобающую позу, чтобы встретить даму, – а та (как только отбыл муж, подходит к комнате, тихонько отворяет дверь и подводит к кровати старуху, весьма польщенную оказанными почестями.

И в таком приятном расположении укладывается та в постель, рядышком с аббатом, который, пылая бешеной страстью и уже не помышляя о поцелуях и прочих нежностях, немедленно набрасывается на нее и так разогревает старушку своей любовью, что и рассказывать о том не хочется, – а то как бы вам аппетит не отбить. Дворянин же, сделав вид, что едет на охоту, на самом деле отправился в аббатство (которое было неподалеку) и попросил приора, его помощника и двух-трех наиболее уважаемых монахов навестить их аббата, занемогшего в эту ночь.

Монахи, сочтя, что их аббат уже помер, и надеясь на Поживу, незамедлительно отправились к дворянину, а тот повел их прямо в покои преподобного отца, который только-только начал переводить дух после ночной работы. Окна внезапно были распахнуты, альков раздернут, и взорам присутствующих предстали преподобный и старуха – так близко один к другой, что при взгляде на них сразу приходили на ум Вулкан и Венера,³⁹⁹ даром что эта Венера была сморщена больше, чем сапог Целестинца.⁴⁰⁰ Если уж монахи были удивлены, то что говорить о преподобном отце, – он и

³⁹⁹ Имеется в виду известный эпизод из древнеримской мифологии; богиня красоты Венера стала женой хромого и безобразного Вулкана, бога огня и кузнечного ремесла.

⁴⁰⁰ *Целестинец* – член монашеского ордена, основанного в 1251 г. Петром Мурроне, ставшим затем папой под именем Целестина V. Устав этого ордена был очень суров, что обрекало его членов на самый скромный образ жизни.